

ИГРОВОЙ МИР ПУШКИНА. ЭПИЗОД БЫТА ТРИГОРСКОГО: ПОЭТ И ЗИЗИ

ЛАРИСА ВОЛЬПЕРТ, ТАТЬЯНА КРАСНОБОРОДЬКО

1¹

Рукопись, о которой пойдет речь, поступила в Пушкинский Дом в 1915 г. из села Голубово Островского уезда Псковской губернии, где сохранялся в то время обширный архив семейства Вульфов-Осиповых-Вревских. Владелец архива

¹ Как один из авторов статьи я (Л. В.) хотела бы рассказать о возникновении нашего с Т. И. Краснобородько соавторства. Тема статьи зародилась в 1998 г. в Риме на Пушкинской конференции, когда хранительница Рукописного отдела Пушкинского Дома Татьяна Ивановна Краснобородько рассказала мне об одном «загадочном» документе, поступившем в 1915 г. в Пушкинский Дом. Т. И. Краснобородько всячески побуждала меня его отрефлексировать: «Вам и карты в руки, вы специалист по “игре”». Я ответила: «Нет. Почерк, бумага, чернила, перо — Ваша епархия, но только не бросайте этот документ. Это очень интересный сюжет, опишите непременно!». Прошло 8 лет, она увлеклась другой работой, документ был снова отложен до лучших времен. Но вот в преддверии Пушкинской конференции в Тарту (2006 г.) мы решили посидеть над ним вместе; она — знаток почерков (первые русские записи, естественно, прочитала она), потом я (некоторые французские). В первом приближении мы наметили главные вехи доклада, но на конференцию она, к сожалению, не смогла приехать. Доклад вызвал интерес, началась работа над статьей. По мере ее подготовки выяснилось, что наше с Татьяной Ивановной внимание притягивают разные «магниты»: ее — сам документ, меня — поэтика миницикла, посвященного Пушкиным Евпраксии Вульф. Решили под «шапкой» одного названия выделить два раздела, первый написан Т. И. Краснобородько, второй — мной.

Павел Александрович Вревский (внук Е. Н. Вревской) подарил ее Пушкинскому Дому как автограф Пушкина. В принадлежности записей руке поэта не усомнился и М. Л. Гофман: «черновики “Евгения Онегина” и набросок незаконченного стихотворения»², доставленные им из Голубова, он предполагал опубликовать во «Временнике Пушкинского Дома на 1915 год». С такой атрибуцией — пушкинской — документ и был записан под № 2891 в инвентарную книгу Рукописного отделения Пушкинского Дома. Однако какое-то время спустя он утратил свой «автографический статус»: на архивной обложке, которая сохранилась с 1910-х гг., сделана отметка фиолетовым карандашом, отводящая принадлежность рукописи Пушкину (при этом запись в инвентарной книге осталась без исправлений). И хотя помета на обложке слишком лаконична, по некоторым характерным особенностям все-таки можно утверждать, что сделана она Борисом Львовичем Модзалевским. Согласно его атрибуции, листы со стихами из «Евгения Онегина» были заполнены рукой Евпраксии Николаевны Вульф (1809–1883; с 1831 г. жены барона Б. А. Вревского) — одной из обитательниц Тригорского, адресата стихотворений Н. М. Языкова и Пушкина, воспетой последним под домашними именами «Зина» и «Зизи».

Вот первая особенность и главная загадка документа, которая ушла от внимания позднейших архивистов и текстологов: неожиданное, пусть не броское, но завораживающее сходство почерка Евпраксии Вульф с пушкинским. Реально это впечатление обманчиво: сохранились многочисленные письма и бумаги разных лет, свидетельствующие о том, что почерк этой тригорской барышни отличен от почерка поэта. Вместе с тем, как показывает документ, о котором идет речь, и еще несколько листов из тригорского архива середины 1820-х гг., почерк юной Евпраксии демонстрирует неожиданное сходство с пушкинским. Это обстоятельство ввело в заблуждение и

² Пушкин и его современники. СПб., 1915. Вып. 21/22. С. 355.

наследников баронессы Вревской, и начинающего пушкиниста Модеста Гофмана, но не обмануло опытный глаз Б. Л. Модзалевского и его безупречную интуицию. Осознавалось ли это сходство самими Пушкиным и Евпраксией Вульф? Можно ли найти этому объяснение?

Пушкин впервые увидел Зизи Вульф летом 1817 г., когда по окончании Лицея приехал в Михайловское. Одной из дочерей Прасковьи Александровны Осиповой тогда не исполнилось еще и восьми лет. Их настоящее знакомство произошло позднее, в августе 1824 г. С первых дней северной ссылки Пушкин большую часть времени проводил не в своем родовом Михайловском, а в Тригорском, у своих гостеприимных и просвещенных соседей, где его ждали и почитали и где царила «атмосфера взаимных увлечений, сцен ревности, признаний, разочарований, тайной переписки, шуточных стихотворений и посланий, общих прогулок, измен. Огненная натура поэта искрилась в этой обстановке и переливала всеми оттенками чувства»³. Юная Евпраксия завидовала своей старшей сестре Анне, что «та пишет и получает письма», и Пушкин предложил «ей завести <...> философическую переписку» со своим братом Львом (XIII, 123). Ему же рассказал он и о другой шалости «уморительно смешной» Зизи: «На днях я мерился поясом с Евпр.<аксией> и тальи наши нашлись одинаковы. След. из двух одно: или я имею талью 15 летней девушки, или она талью 25 летн. мужчины. Евпр.<аксия> дуетя и очень мила» (XIII, 120). Как знать, может быть, однажды в такой же свободной и непринужденной обстановке игры Пушкин и Зизи, обмакнув перо в чернильницу, «померились» и почерками и обнаружили — неожиданно для себя самих — определенное их сходство. И впоследствии, когда юная Евпраксия переписывала пушкинские сочинения, она, возможно, подражала, вольно или невольно, почерку поэта.

³ Модзалевский Б. Л. Неизданная записка Пушкина к А. Н. Вульф // День. 1917. 29 янв. № 27.

Обратимся теперь к самому документу. Он представляет собой лист белой бумаги *in folio*, сложенный вдвое. Внешние страницы листов — «с конца, с начала, и кругом» — «исписаны и изрисованы» рукой Евпраксии Вульф. В этих бессвязных записях — русских, французских и немецких, которые наслуиваются друг на друга во всех направлениях, на первый взгляд невозможно разобраться. И все же попробуем это сделать.

Начнем со страницы, от которой уже после заполнения была оторвана продольная полоса (около 5 см. в ширину). Центральное место на этой странице (в горизонтальном ее положении) занимают несколько стихов одной из «михайловских» глав «Евгения Онегина»:

Глава четвертая
В начале жизни мною правил
Прелестный хитрый слабый пол
Тогда в закон себе я ставил
Его единый произвол
Душа лишь только разгоралась
И сердцу женщина являлась
Каким то

Первые пять стихов повторены еще раз — слева. Это фрагмент первой строфы, которая не вошла в окончательный текст «романа в стихах» и лишь единственный раз была напечатана Пушкиным в «Московском вестнике» в составе четырех начальных строф (1827. № 20). Строфы эти сохранились в беловом автографе четвертой главы. Он, как и беловики предыдущих глав, представляет собой самодельную тетрадочку в восьмую долю листа, на странице которой помещается одна «онегинская» строфа. Зизи, безусловно, видела рукопись четвертой главы «Онегина» и знала текст начальных строф (как и всей главы) еще до их публикации в журнале М. П. Погодина. Располагая «онегинский» фрагмент на большой странице, Зизи довольно точно выделила для него «восьмушку» — как в подлинной пушкинской тетрадочке.

Кроме того, поверх и вокруг этих двух записей (более или менее связных) около 30 раз повторено «Глава четвертая»,

«Глава», «четвертая», и беспорядочно, по одному–два слова, разбросаны «осколки» стихов строфы XLVIII (в рукописи — XLIV) — той самой, в которой идет разговор Онегина с Ленским о Лариных. Соединим эти «осколки» в соответствии с беловым автографом четвертой главы:⁴

Довольно, милый. Вся семья
Здорова — кланяться велели
Ах, милый! <как похорошели>
<...>
<Заедем к ним,> ты их обяжешь
<А то, топ cheг> суди ты сам —
Два раза заглянул <— а там>
Уж к ним и <носу не> покажешь.

Поперек «онегинских» стихов — обрывочные фразы самой Евпраксии, по-русски и по-французски (часть из них можно прочитать лишь предположительно): «тобой полна душа моя», «без наслажденья», «без наслажденья без желанья», «не понимают нас они», «он меня не понимает», «как можно», «мне холодно», «жаль очень», «очень жаль», «два раза я его цало<вала?>», «два раза в год», «два раза», “l’ou souvenir est toujours” («воспоминание всегда»)⁵, “O toi, qui me fait eprouver que amour seule” («О ты, кто заставляет меня испытывать, что одна любовь»), “double l’existence” («двойное существование»), “la gloire en vain” («слава напрасна»), “pleur que fait couler l’absence” («слезы, которые заставляет проливать разлука») и т.п.

Кроме пушкинских, есть на этой странице и хорошо известные строки другого поэта, гостившего летом 1826 г. в имении П. А. Осиповой:

Аминь Аминь Глаголю вам
Те дни мне милы и священ<н>ы.

⁴ В угловых скобках приведены отсутствующие в записях Е. Н. Вульф фрагменты стихов.

⁵ Французские фразы приведены в написании Е. Н. Вульф.

Это начало языковского послания «П. А. Осиповой». Ниже разбросаны фрагменты начальных стихов его поэмы «Тригорское», наполненной воспоминаниями об «упоительных» летних днях 1826 г., которые он провел в обществе Алексея Вульфа и Пушкина, П. А. Осиповой и ее дочерей:

<В стране, где> Сорочь голубая
Подруга зеркальных озер
Разнообразно между гор.

Строки из этих стихотворений Языкова позволяют нам более или менее уверенно говорить о времени заполнения листа. Поэтические послания Языкова получили в Тригорском в сентябре 1826 г., о чем свидетельствует запись в «Месяцеслове» П. А. Осиповой 12 сентября: «Получила письмо от *Пушкина* из Пскова с радостною вестью, что он будет свободен, и в стихах — письмо от Языкова»⁶. Пушкин прочитал поэму «Тригорское», посвященную Осиповой, и послание, обращенное к ней, в день возвращения из Москвы в свою псковскую деревню, о чем восторженно писал 9 ноября 1826 г. и самому Языкову, и Вяземскому (см.: XIII, 305).

В пользу датировки листа ноябрем 1826 г. говорят также и «заблудившийся» на этой странице стих из строфы XXV пятой главы «Онегина» («поклоны шарканье <гостей>»), написанный рукой Евпраксии, и находящийся неподалеку от него подсчет стихов в 47 строфах четвертой главы «Евгения Онегина», который сделан рукой Пушкина. И это — неизвестная прежде собственноручная запись поэта, которая ускользнула от внимания Б. Л. Модзалевского и которая возвращает документу его «автографический статус»!⁷ Как известно, переделку пятой главы «романа в стихах» Пушкин закончил в Михайловском 22 ноября 1826 г. Записанные

⁶ Пушкин и его современники. СПб., 1903. Вып. 1. С. 141.

⁷ Атрибуции этой записи Пушкину будет посвящена специальная статья Т. И. Краснобородько, которая готовится для одного из изданий Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

Евпраксией Вульф отдельные стихи из «деревенских» глав «Евгения Онегина» прямо свидетельствуют о том, что она знала текст этих глав задолго до их появления в печати и, возможно, даже переписывала их для себя.

На второй странице документа доминируют рисунки Евпраксии, сделанные пером прямо по тексту: старое дерево с могучей кроной, камень-валун вблизи кустов и др. Возможно, это «мемориальные» для Зизи места Тригорского парка, связанные с любовными переживаниями. В ворохе записей, еще более беспорядочных, чем на «онегинской странице», удалось вычитать один стих Пушкина из «Бахчисарайского фонтана»: «как пальма смятая грозой» (он «примыкает» к вершине дерева). Стихов другого поэта нет, зато перо Евпраксии выводит его имя: «Языков мой чудо», «Я его люблю». Вся эта страница дышит ее недавними чувствами, страданиями, воспоминаниями, смятением: «тобой душа моя», “un tems magnifique” («чудесное время»), “je meurs” («я умираю»), “Adieu le charme de <?> ma vie” («Прощай, очарование моей жизни»), «тобой полна душа моя», «без наслажденья, без желанья», «дай мне крылья», «мне грустно», “je vus s’enfuir mon Bonheur”⁸ («я видел, как убегает мое счастье»), «дай мне крылья Серафима», «мне грустно на земле», «я полечу», «уж я не верю уверенью»⁹ и т.д. и т.п. И стихи Языкова, присланные по почте, и внезапное возвращение в Михайловское «свободного» Пушкина разбередили, вероятно, в душе и сердце Евпраксии еще не остывшие летние переживания. «Сестра моя Euphrosine, — рассказывал позднее о памятном тригорском лете 1826 г. А. Н. Вульф, — бывало, заваривает всем нам после обеда жженку: сестра прекрасно ее варила, да и Пушкин, ее всегдашний и пламенный обожатель, любил, чтобы она заваривала жженку... и вот мы из этих самых звонких

⁸ Французские фразы приведены в написании Е. Н. Вульф.

⁹ Эту запись можно было бы «возвести» к «Разуверению» Е. А. Боратынского, но, скорее всего, это одна из самых распространенных элегических формул, всплывшая в памяти Е. Вульф.

бокалов, о которых вы найдете немало упоминаний в посланиях ко мне Языкова, — сидим, беседуем да распиваем пунш. И что за речи несмолкаемые, что за звонкий смех, что за дивные стихи то того, то другого поэта сопровождали нашу дружескую пирушку! Языков был, как известно, страшно застенчив, но и тот, бывало, разгорячится — куда пропадет застенчивость — и что за стихи, именно *Языковские стихи* говорил он то за “чашей пунша”, то у ног той же Евпраксии Николаевны¹⁰. Кто в этом недавнем прошлом бередил память Зизи сильнее — Пушкин или Языков?

В «загадочном» документе, наверное, не случайно сохранившемся во «Вревском архиве», царит Евпраксия — как и в молодой компании, которая собиралась в Тригорском летом 1826 г. Это ее перо выводит бессвязные слова и набрасывает рисунки. Это она в беспорядке разбрасывает по листу строки Языкова о Тригорском и «священных днях», проведенных в нем. Это она записывает разрозненные стихи из четвертой и пятой глав «Евгения Онегина», воспевающие «прелестный, хитрый, слабый пол». Евпраксия невольно проговаривается, оставляя на бумаге свидетельства своего сильного увлечения Языковым и Пушкиным. Летом 1826 г. она вдохновляла поэтов, и они посвящали ей стихи. В свою очередь, Языков и Пушкин вдохновляли ее, и Евпраксия «сама сочиняла», по позднейшему выражению Языкова, для них жженку. Ей кружили голову их лирические признания, они были пьяны от ее жженки и смирялись перед взглядом ее «победоносных» глаз. В ноябре 1826 г. все это стало безвозвратным прошлым: Языков жил в Дерпте, Пушкин, поглощенный мыслями о С. Ф. Пушкиной, торопился вернуться в Москву, чтобы сделать ей предложение. Евпраксия одна оставалась в «псковской глуши».

2

¹⁰ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 447–448.

Изучаемые листы (в дальнейшем — *документ*) в достаточной степени загадочны; многочисленные вопросы (точная дата его создания, был ли он набросан в один присест, заключает ли в себе осознанную стратегию на «засекреченность» или представляет собой своеобразную «стенограмму» души, участвовал ли сам Пушкин в его «заполнении») однозначного ответа не находят. Не совсем ясно, что в нем превалирует: элементы «игры» или глубокое переживание. Его осмысление требует учета сложного комплекса факторов: биографических, литературных, внелитературных. Об Евпраксии Вульф Пушкин оставил замечания в письмах, посвятил ей ряд стихотворений, известные строки в «Евгении Онегине». А от нее до нас, кроме этих листов, не дошло ничего: ни писем, ни воспоминаний, ни заметок (речь идет о периоде до женитьбы поэта). Три сохранившихся воспоминания (брата Алексея и Е. Е. Сеницыной), как всякие мемуарные материалы, имеющие, по определению, *угол отклонения*, нуждаются в дешифровке. Скучность фактологических свидетельств определяет востребованность метода биографической реконструкции.

Тема «Пушкин и Евпраксия Вульф» изучена недостаточно. Лаконичная характеристика П. В. Анненкова, неприязненная по отношению к Евпраксии (в противоположность сестре Анне, она характеризуется как «равнодушная» кокетка¹¹), оказала, думается, воздействие на исследователей. В частности, П. К. Губер ввел без каких-либо изменений созданный Анненковым «микроретрет» в свою книгу «Дон Жуанский список Пушкина» (Евпраксия числится в первой

¹¹ «Она <Евпраксия. — Л. В.> пользовалась жизнью очень просто. По-видимому, ничего не искала в ней, кроме минутных удовольствий <...> многие называли это «кокетством» <...> равнодушию оставалась лучшая доля постоянного внимания, неизменной ласки, тонкого, льстивого ухаживания» (*Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск, 1998. С. 196. В дальнейшем: Анненков П. В.*).

части списка за № 13). На изучаемую тему есть лишь одна специальная работа Л. А. Краваль¹².

«Переатрибуция» почерка Б. Л. Модзалевским, установившим руку Евпраксии Вульф на подаренном Пушкинскому Дому листе, — факт, до сегодняшнего дня оставшийся не отрефлексированным; после открытия ученого *документ* пролежал в архиве без движения больше семидесяти лет. Лишь заинтересованное внимание Т. И. Краснобородько вернуло листу *in folio* жизнь: *документ* «обрел дыхание» и обострил интерес соавторов к личности Е. Н. Вульф. Он был немалым и до того: что значит «попасть» в пушкинский роман — в разьяснении не нуждается. В «Евгении Онегине» множество имен из мира культуры (писателей, композиторов, балетмейстеров), но из мира быта лишь одно¹³. В пятой главе романа при описании бала в доме Лариных на мгновение перед читателем возникает образ неизвестно откуда взявшейся особы с забавным именем Зизи:

За ним
Строй рюмок узких длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристал души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал! (VI, 112)

Прямое авторское обращение к Зизи, выпадающее из лирических отступлений романа, в чем-то уникально: подсвеченные иронией маргинальные портретные зарисовки в «Евгении Онегине» большей частью лишены лиризма. В приводимой строфе авторское «Я» дано в лирическом ключе:

¹² Краваль Л. А. «Пушкин и Евпраксия Вульф» // Московский пушкинист III: Ежегодный сб. М., 1966. С. 215–233. В дальнейшем: Краваль Л. А.

¹³ Имена П. А. Плетнева и Л. С. Пушкина попали в роман как адресаты «посвящений».

шутливый панегирик пронизан литературным автобиографизмом¹⁴.

Рефлексия над творчеством Пушкина второй половины двадцатых годов предполагает знание «игрового мира» Тригорского. Поправка на «игру» существенна при установлении генезиса созданных в это время произведений, анализе структуры жанра («Роман в письмах»), описании поэтики деревенских глав «Евгения Онегина». Используя шутливую иронию, пародирование литературных штампов, эффект обманутого ожидания, кардинально меняющих оптику романтической поэмы, Пушкин приучает читателя к восприятию нового жанра — «свободного романа» в стихах. Цитируемая строфа, несущая память о встречах поэта с Е. Н. Вульф в 1824–1826 гг., как нельзя лучше отвечала авторской стратегии.

Уже в первые дни северной ссылки Зизи сумела подкупить Пушкина не только грациозными шалостями («...грациозная гримаса и детская шалость нравились ему»¹⁵), но и характерным для обитателей Тригорского увлечением перепиской. Письма здесь пишут все: ее мать, брат Алексей, сестра Анна, многочисленные кузины. В моде разнообразные эпистолярные игры и розыгрыши: подставной адресат, шуточная мистификация, коллективное послание, торжественное коллективное сжигание «опасного письма». Принять участие в этой увлекательной «игре» было для нее крайне притягательным (она «завидует сестре»). Как можно предположить, подспудный импульс, вдохновивший позднее Зизи на создание *документа*, впервые зародился в то время.

¹⁴ Термин «литературный автобиографизм» дается в понимании Ю. М. Лотмана: интерпретация и преломление фактов собственной биографии в художественном произведении (см.: *Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте* // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 365–367).

¹⁵ *Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина*. М., 1984. С. 129.

Письменные свидетельства интереса поэта к Евпраксии не многочисленны, но знаковы: все они сделаны в «игровом» ключе. Такое впечатление, что Пушкину весело находить с девочкой общие черты. Ему близко ее желание иметь свою переписку, небезынтересна деталь внешнего сходства («...талы наши оказались одинаковы. Евпраксия дуется и очень мила» — XIII, 120), забавно ее разочарование (талиа пятнадцатилетней девочки — по бытовым представлениям — должна быть стройнее, чем у двадцатипятилетнего мужчины). Но даже «дуется» она «мило» («талиа» через два года аукнется в «Евгении Онегине»). Примечательно, что и почерки их схожи: они могли бы, как пишет выше Т. И. Краснобородько, и ими «помериться».

Живое свидетельство ощущения поэтом дружеской близости с Евпраксией — вписанный в ее альбом поэтический совет, начинающийся строкой «Если жизнь тебя обманет...». Первое стихотворение посвященного ей «миницикла» (думается, этот термин правомерен: строфа в «Евгении Онегине» и три стихотворения дают на него право) отмечено автобиографизмом. Невеселый урок житейской философии, преподнесенный поэтом Евпраксии, казалось бы, не очень подходил для альбома пятнадцатилетней барышни. Европейских поэтов этот мотив привлекал издавна; одним из первых его использовал Архилох; «второе лицо» у древнегреческого поэта означало, прежде всего, обращение к самому себе: «Победят — не огорчайся, запершись в дому, не плачь! / В меру радуйся удаче, / В меру в бедствиях горюй»¹⁶. Подобная форма привлекает и Пушкина:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;

¹⁶ *Архилох*. Сердце, сердце! Грозным строем стали беды пред тобой... / Пер. В. В. Вересаева // Хрестоматия по античной литературе. М., 1965. Т. 1: Греческая литература. С. 89.

Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет
Что пройдет, то будет мило (Ш. Кн. 1. С. 415).

В глубине этого, на первый взгляд, простенького текста (четырёхстопный песенный хорей, подчеркнута несложная лексика, минимальное количество тропов) — скрытый «игровой» пласт. Он, думается, заключается в осознании автором актуальности подобного утешения в собственный адрес: Пушкин и сам нуждается в ободрении. «Настоящее» для него — не просто «уныло», а «сверхуныло»: ссылка бессрочная (не случайно П. А. Вяземский, как никто другой понимавший настроение поэта, писал, что тому остается спиться или застрелиться). Будущее «высветит» со временем в альбомном совете полугрустную иронию: первая строка зазвучит провиденциально, «жизнь» как бы примет облик поэта, «обманет» Зизи невольно... он сам. При всей гипотетичности этого предположения, для темы статьи оно значимо: это, условно говоря, одна из первых виртуальных «ниточек», ведущих к *документу*. Однако основную значимость приобретет последнее «ссылочное» лето Пушкина.

Отмеченное трагическим настроением (суд над декабристами) и одновременно радостными нотами (приезд в Тригорское Николая Языкова) лето 1826 г., метафорически говоря, — «пик» увлеченности Пушкина Евпраксией. За два года «уморительно смешная» девочка превратилась в очаровательную «стройную», «белокурую» девицу. На Николая Языкова, восхищенного всеми обитательницами имения, все же сильнее всего подействовали чары Зизи. Он щедро слагает в ее честь лестные мадригалы; характерен нарисованный им позже ее стихотворный портрет:

Я верно, живо помню вас
И взгляд радужный и огнистый
Победоносных ваших глаз
И ваши кудри золотисты

На пышных склонах белых плеч¹⁷.

Влюбленность Языкова — сильный катализатор. Пушкин и сам увлечен Евпраксией, однако восхищение собрата по перу подзадоривает. Языков, конечно, не Ленский, но тоже поэт, и, думается, участникам «игры», знакомым с коллизией «Евгения Онегина», эта ассоциация не была совсем чужда (Пушкин писал в октябре 1824 г. В. Ф. Вяземской об обитательницах Тригорского «...я слышу среди них Онегиным» — XIII, 532; подл. по-франц.). Этим летом в усадьбе царит особая неповторимая атмосфера. Приведенное выше воспоминание Алексея Вульфа, зримо воссоздающее обстановку («И что за речи несмолкаемые, что за звонкий смех, что за дивные стихи то Пушкина, то Языкова сопровождали нашу дружескую пирушку!»), красноречиво. Даже если учитывать возможный угол «отклонения» (А. Вульф мог не устоять перед соблазном преувеличить «чары» сестры), нарисованная картина убедительна. Описание как бы предугадывает концепцию «игры» Йохана Хейзинги: это деятельность «свободная», «избыточная», «незаинтересованная», «пространственно отграниченная», способная создать «оазис счастья»¹⁸. Тригорское — «отграниченный» топос, «свободный», «незаинтересованный» (по Канту), овеянный духом поэзии, истинный «оазис счастья», и царит в нем в окружении трех молодых мужчин (среди них два поэта) Euphrosine. Языкову важно отметить «радушные», «победоносные» глаза Евпраксии; Пушкину — включить ее в притягательный мир парижской живописи и мод («Соперница картин французских», «Ты ученица мод французских» — VI, 402)¹⁹.

¹⁷ Языков Н. М. К баронессе Е<впраксии> Н<иколаевне> В<ревской> // Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 365.

¹⁸ Хейзинга Й. Homo ludens: В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 17, 19, 20, 34.

¹⁹ Позднее в письме к П. А. Осиповой поэт назовет ее существом «благородным» (“noble”) и «сладостным», «нежным» (“doux”).

В описании А. Вульфа можно уловить подспудную связь с *документом*. Отмеченное им соседство стихов обоих поэтов (на «загадочном» листе оно реализовано пером Зизи) — весомый знак «игрового» настроения, царящего в Тригорском; его недооценка чревата ошибками²⁰. Не случайно, вписывая в альбом Евпраксии второе стихотворение миницикла, поэт маркирует слово «играйте!»:

Вот, Зина, вам совет: играйте!
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец,
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец (Ш. Кн. 1. С. 13).

Зина в сознании поэта ассоциируется с его излюбленными понятиями, рядом со словом *роза* поставлен эпитет *веселый* (позднее, в момент расставания, поэт снова свяжет имя Зизи со словом *роза*). Четырехстопный ямб здесь органично сочетает три строки шутливо-бытовой интонации и две строки в одическом ключе («полистилизм» по Е. Г. Эткинду). Не исключено, что прямое обращение к Евпраксии в шутливом мадригале из пяти строк с использованием полистилизма показалось автору удачным экспериментом. В этом случае творческую «находку» ретроспективно можно расценить как своеобразную заготовку к пятой главе романа, создававшейся между 4.I и 22.XI 1826 г. (XXXII строфа — ближе к концу главы):

За ним строй рюмок узких, длинных,

²⁰ Так, например, Л. А. Краваль, склонная не учитывать игровую специфику мира Тригорского, описывает отношение Пушкина к Зизи в стиле модных в свое время поисков «утаенной» любви поэта, хотя один тот факт, что, оказавшись в Москве, поэт мгновенно делает предложение Софье Пушкиной, позже — Анне Олениной и вслед за ней — Екатерине Ушаковой, мог бы заставить задуматься. Если бы учитывалась счастливая метафора Анны Ахматовой — «...исследователю грозит опасность заблудиться в прелестном цветнике избранниц», вряд ли была бы возможна такая концепция.

Подобно талии твоей,
 Зизи, кристалл души моей,
 Предмет стихов моих невинных,
 Любви приманчивый фиал,
 Ты, от кого я пьян бывал!

В магическом поле поэзии сублимировано лето 1826 г.: восхищение Евпраксией («любви приманчивый фиал»), упоминание слова «кристалл», роскошное «пьянство»; анахронически «аукнулся» и давнишний «отчет» об измерении «талии». Не исключено, что в глубине шуточного текста — отблеск и имевшего место в это лето объяснения в любви. Веселая легкость комплимента не зачеркивает скрытый смысл, а именно — стремление автора прояснить характер собственных отношений с Зизи. Слова «предмет стихов моих невинных», думается, — не о «стихах»²¹. Такой же смысловой оттенок содержится и в дарственной надписи поэта на только что вышедших «деревенских главах» (4-ой и 5-ой) «Евгения Онегина»: «Евпраксии Николаевне Вульф от Автора. *Твоя от твоих*. 28 февр. 1828 г.». Цитата из литургии в каком-то смысле также свидетельство чистоты отношений; думается, ее следует понимать однозначно: «из всех стихов это *самые твои* стихи», деревенские главы — «*самые твои* главы», и в этих главах «ты — *самое самое*».

Несмотря на эти лестные слова, Евпраксия, как можно предположить, начинала ощущать инерцию времени: его интерес слабеет, ее чувство крепнет. Невеселое настроение, возможно, отразилось на ее физическом состоянии. Во всяком случае проникательный брат заметил перемену. «В год, который я ее не видел, — записывает Алексей в дневник в декабре 1828 г., — она очень переменилась. У нее было расслабление во всех движениях, которое ее почитатели называли бы прелестной томностью, — мне это показалось

²¹ Заметим, что Прасковья Александровна и брат Алексей также всячески стремились маркировать «чистоту отношений», любовно-дружеской привязанности поэта к Евпраксии как «двоюродного брата».

похожим <...> на страдание от не совсем счастливой любви, в чем я, кажется, не ошибся»²². Это воспоминание (к нему можно относиться с доверием) ретроспективно «высвечивает» серьезный подтекст *документа*. Казалось бы, все, что произошло после его создания, прямого отношения к теме статьи не имеет; это не так: знание завершения любовной «линии», как и сути последнего текста миницикла, для общей оценки «эпизода» исключительно значимы.

Зимой 1828 г. Пушкин увидел на балу шестнадцатилетнюю Наталию Гончарову, которая произвела на него впечатление разительное, и, думается, чтобы внести ясность в отношения, в январе 1829 г. он спешит в Малинники. Сохранилось воспоминание Е. Е. Сеницыной: «... предложил одну руку мне, — а другую — дочери Прасковьи Александровны Вульф, Евпраксии Николаевне, бывшей в одних летах со мною. За столом он сел между нами и угощал с одинаковой ласковостью, как меня, так и ее. Когда вечером начались танцы, то он стал танцевать с нами по очереди — потанцует с ней, потом со мною и т.д. Осипова рассердилась и уехала. Евпраксия Николаевна почему-то в этот день ходила с заплаканными глазами. Может быть и потому, что Александр Сергеевич вынес портрет какой-то женщины и восхищался ее красотой; все рассматривали ее и хвалили. Может быть и это тронуло ее, — она на него все глаза проглядела»²³. Воспоминание Е. Е. Сеницыной, хотя, возможно, и содержит легкое искажение (не исключено воздействие осведомленности о более поздних событиях), все же многое проясняет.

1 мая 1829 г. Пушкин сватается, его просят подождать, он едет на Кавказ. По возвращении в Москву приходит ясность: если согласие будет получено, все контакты с Тригорским

²² Вульф А. Н. Дневники (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929. С. 190.

²³ Воспоминания Евг. Сеницыной по записи В. И. Колосова (Пушкин в Тверской губернии) // Русская старина. 1888. Т. 10 (60). С. 90–93.

незамедлительно будут прерваны²⁴. В день рождения Евпраксии 12 октября он садится в коляску и поспевает ко дню именин (16 октября, день преподобной мученицы Евпраксии Псковской, основавшей в Пскове Иоанно-Предтеченский монастырь). Зизи, не ожидая такого сюрприза, с матерью и сводной сестрой Алиной уехали в Старицу «смотреть на новых уланов». Он терпеливо ждет, и вот ... зазвенел колокольчик. Это событие в деталях описано в тексте «Зима. Что делать нам в деревне?...». Стихотворение таит загадку: в нем нет обращения к Евпраксии; оно предельно закамouflировано. На первый взгляд, авторская стратегия целиком подчинена задаче изображения скуки бесконечно тянущегося деревенского зимнего дня. Стихотворение разбито на три сюжетно-интонационных периода. В первом, самом объемном, шестистопный ямб как нельзя лучше передает медлительный темп движения времени:

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
 Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
 Вопросами: тепло ль? Утихла ли метель?
 Пороша есть иль нет? И можно ли постель
 Покинуть для седла, иль лучше до обеда
 Возиться с старыми журналами соседа?
 Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня
 И рысью по полю при первом свете дня;
 Арапники в руках, собаки вслед за нами;
 Глядим на бледный снег прилежными глазами;
 Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
 Двух зайцев потравив, являемся домой.

²⁴ Наталья Николаевна остро ревновала мужа к Евпраксии. На ее ревнивые сетования сестра Зизи Анна позже напишет Натали в письме: «Как можете вы питать ревность к моей сестре, дорогая моя: Если даже ваш муж и любил ее некоторое время, как вам непременно хочется верить, — настоящая минута не смывает ли все прошлое, которое теперь становится тенью, называемой одним воображением и оставляющей после себя менее следов, чем сон. Но вы — вы владеете действительностью, и все будущее перед вами» (цит. по: *Анненков П. В.* С. 197).

Куда как весело! Вот вечер: вьюга воеет;
 Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
 По капле, медленно глотаю скуки яд.
 Читать хочу; глаза над буквами скользят,
 А мысли далеко... Я книгу закрываю;
 Беру перо, сижу; насильно вырываю
 У музы дремлющей несвязные слова.
 Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
 Над рифмой, над моей прислужницею странной;
 Стих вяло тянется, холодный и туманный.
 Усталый, с рифмою я прекращаю спор,
 Иду в гостиную; там слышу разговор
 О близких выборах, о сахарном заводе;
 Хозяйка хмурится в подобие погоде,
 Стальными спицами проворно шевеля,
 Иль про червонного гадает короля.
 Тоска! Так день за днем идет в уединенье! (III. Кн. 1. С. 181)

Внезапный поворот в сюжете — неожиданный приезд барышень, вызывает первое изменение ритма, гибкий шестистопный ямб успешно справляется с задачей придания тексту лиризма:

Но если под вечер в печальное селенье,
 Когда за шашками сижу я в уголке,
 Приедет издали в кибитке иль в возке
 Нежданная семья: старушка, две девицы
 Две белокурые, две стройные сестрицы, —
 Как оживляется глухая сторона!
 Как жизнь, о боже мой! становится полна!

Следующие шесть строк — своеобразный «отчет» о каждом моменте встречи, ритм убыстряется, царит пушкинское точное слово:

Сначала косвенно-внимательные взоры,
 Потом слов несколько, потом и разговоры,
 А там и дружный смех, и песни вечерком,
 И вальсы резвые, и шепот за столом,
 И взоры томные, и ветреные речи,
 На узкой лестнице замедленные встречи ...

И, наконец — последние строки. Они знаковые — это слова прощания, ради них, думается, написано стихотворение. Финал выдержан в одическом ключе: высокая лексика, славянизмы, тропы, шестистопный ямб начинает звучать как торжественный александрийский стих. Алхимия поэзии способна вместить в шесть строк и восхищение, и благодарность, и последнее *прости*:

И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и выюга ей в лицо!
Но бури Севера не вредны русской розе.
Как жарко поцалуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

Пушкин прощается, как может проститься *поэт*. Хотя последние строки звучат отстраненно, с обобщенностью высокой лирики, тайный смысл пьесы не вызывает сомнения... Sapienti sat! Однако пушкинисты как будто договорились поддерживать «игровую» стратегию Пушкина. Хотя эта связь фактологически подтверждена²⁵, при описании стихотворения имя Евпраксии, как правило, не упоминается²⁶; есть лишь два исключения²⁷. На наш взгляд, стихотворение связано с

²⁵ Факты, касающиеся поездки Пушкина в день рождения Е. Н. Вульф 12 октября в Малинники, ожидания поэтом возвращения Евпраксии (с П. А. Осиповой и Алиной) из Старицы в Малинники, создания стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?» 2 ноября 1829 г. в селе Павловском (имении П. И. Вульф рядом с Малинниками), установлены точно.

²⁶ В комментарии к стихотворению Б. В. Томашевского в 10-томнике имя Е. Н. Вульф не упоминается, так же как и в специальной работе Н. К. Дроздовой, посвященной анализу стихотворения (Дроздова Н. К. «Тверское» стихотворение А. С. Пушкина «Зима. Что делать нам в деревне?» // Вопросы биографии и творчества А. С. Пушкина. Калинин, 1979. С. 136–145).

²⁷ М. Пурсглоб в 1970 г. в статье о стихотворении «Зима...», не выделяя финальных строк, высказал предположение, что одна из «белокурых сестриц» — Е. Н. Вульф (*Pursglobe M. "Zima. Chto delat' nam v derevne?" // Journal of Russian Studies. 1970. N 20.*

именем Е. Н. Вульф глубинными узами; оно в полной мере может рассматриваться как один из тестов миницикла, анализ которого не маловажен при описании *документа*. Ретроспективно высвечивая его подспудный план, он способствует раскрытию специфики неповторимой смеси «игрового» и «серьезного» начала, характерной как для манеры автора миницикла, так и для «загадочных» записей Е. Н. Вульф.

Семантически узловые, многократно повторенные слова «четвертая глава» значимы не только для датировки *документа* (по мнению авторов статьи, время его создания — ноябрь 1826 г.), но и для осмысления импульса его создания. Думается, одно из объяснений многократного, почти маниакального, повтора слов может быть следующим. Пушкин, по моему предположению, неизмеримо сильнее тревожил воображение Евпраксии, чем Языков. В четвертой главе, создававшейся с сентября 1824 г. по январь 1826 г., условно говоря, был предсказан ход событий в их отношениях. В момент знакомства с главой (скорее всего, сам Пушкин прочитал ее Евпраксии), она, как можно предположить, пережила острое разочарование (уж, наверное, она проецировала себя на Татьяну)²⁸. «Отказ» Онегина от счастья как бы «предсказывал» ее судьбу; может быть поэтому рука более тридцати раз автоматически выводит злосчастные слова: «Четвертая глава».

Р. 23). Л. А. Краваль, первая связавшая дату создания стихотворения с фактом поездки Пушкина в день рождения Евпраксии в Малинники, приводит последние пять строк, не снабжая их, однако, каким-либо комментарием.

²⁸ На Татьяну, как известно, проецировали себя многие дамы (замужние — на героиню второго этапа). Но у Евпраксии — особые права. В отличие от столичных девиц, она — барышня усадебная, ее имя в пятой главе «Евгении Онегина» стоит рядом с именем Татьяны. Заметим: усадебные нравы — проще столичных; здесь барышне дозволено варить для молодых мужчин жженку, что вряд ли возможно на петербургской даче.

Подводя итог, отметим значительность *документа*. Он существует не только для освещения общих вопросов, например, игровой специфики культуры эпохи, но и частных: даже мелочи, касающиеся великого поэта, ценны и интересны. Заполненные рукою Е. Н. Вульф листы дают толчок для рефлексии над автобиографизмом «Евгения Онегина» (в частности, «деревенских глав» романа), вдохновляют на углубленное прочтение посвященных Зизи пушкинских строк, высвечивают по-новому ее личность: Евпраксия как бы становится значительней, она способна «играть», переживать и рефлексировать. Внезапно «обретший дыхание» *документ* — как свет погасшей звезды (счастливая метафора, найденная С. М. Бонди по отношению к черновым рукописям Пушкина): самой звезды больше нет, а свет ее только сейчас постепенно начинает доходить до нас.